

**ЗАВТРА
НАЧНЁТСЯ
БЕЗ
ТЕБЯ**

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Лекарство от одиночества

Алексей Корнелюк

Завтра начнётся без тебя

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Завтра начнётся без тебя / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Лекарство от одиночества)

Ты не застрял во времени. Ты застрял в человеке, которым притворяешься. У Ильи обычный четверг: звонок матери, сообщение от начальника, разговор с женщиной, которую он почти потерял, и старый друг, которому стыдно ответить уже третий год. Он снова говорит «да», когда хочет сказать «нет». Снова пишет «всё нормально», хотя внутри давно пахнет пустой больничной палатой. Снова выбирает быть удобным, спокойным, хорошим — кем угодно, только не собой. А потом этот день начинается заново. Та же минута. Те же люди. Те же ловушки. Илья пытается обмануть время, исправить чужие реакции, прожить четверг идеально, но день не отпускает его не за ошибки. Он возвращается снова и снова, пока Илья не понимает: завтра не наступит, пока он продолжает предавать себя в мелочах. Это роман о тревоге, одиночестве и хорошем человеке, который слишком долго притворялся живым.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Завтра начнётся без тебя

Глава 1. Четверг, который ничего не обещал

В семь двенадцать утра четверг включился, как старый холодильник: с внутренним щелчком, тихим гулом и ощущением, что ничего хорошего из этого звука уже не получится. Телефон лежал на полу экраном вверх и светил Илье прямо в лицо. Не будильником даже — напоминанием. «Оплатить интернет». В тридцать девять лет человек просыпается не от мечты, не от женской руки на плече, не от предчувствия великого поворота, а от того, что невидимая компания где-то в серверной напоминает: дружок, если ты сегодня не занесёшь шестьсот девяносто рублей, мы отключим тебе связь с миром, хотя, будем честны, связи с миром у тебя и так не сказать чтобы много.

Илья лежал на боку, в той самой позе, в которой засыпают люди, решившие всего на минуту закрыть глаза с телефоном в руке, а потом просыпаются с лицом человека, которого ночь тихо избил подушкой. Шея ныла. Во рту стоял вкус вчерашнего чая и чего-то металлического — как будто он всю ночь грыз монету. За окном висел дождь. Не шёл даже, а висел: мокрая, серая занавеска, которую забыли снять после плохого спектакля. На подоконнике стояла кружка с трещиной. Он уже месяца три собирался её выбросить. Каждый раз мыл, ставил обратно и думал: ну пока живая. Про кружку это звучало почти нежно. Про себя — не очень.

Он поднял телефон. Экран тут же радостно показал жизнь, которая началась без него ещё до того, как он успел сесть на кровати. Денис написал в 6:48: «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?» Мать звонила в 6:59. Два раза. Потом написала: «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». У Марины висело голосовое на сорок две секунды. Голосовое было страшнее текста. Текст можно прочитать одним глазом, пробежать по диагонали, не почувствовать интонацию. Голосовое — это уже человек в комнате, только без тела, и ты не можешь сделать вид, что он не смотрит. От Кирилла ничего нового не было. Последнее сообщение от него стояло внизу переписки, как старый гвоздь в стене: «Ты живой вообще?» Три года назад. Илья почему-то до сих пор не удалил диалог. Видимо, некоторые вещи нужны человеку не для памяти, а для ежедневного маленького самоизбиения.

Он сел, потер лицо ладонями и несколько секунд слушал, как в груди работает сердце. Не быстро. Не смертельно. Просто заметно. Сердце вообще становилось заметным в те периоды, когда Илья слишком долго жил так, будто его нет. Оно начинало стучать громче — не трагически, не красиво, без всякой литературы, а тупо, как сосед по батарее: эй, ты там совсем охренел? Он потянулся к стакану на тумбочке, но воды там не было. Только на дне прилипла маленькая прозрачная пленка, как кожа от вчерашнего намерения заботиться о себе.

В ванной зеркало встретило его лицом, которое он не заказывал. Помятое, серое, с тенью под глазами и волосами, похожими на куст, который всю ночь спорил с ветром и проиграл. Илья открыл кран, умылся холодной водой, посмотрел на себя ещё раз и по привычке сказал вслух:

— Нормально.

Слово упало в раковину, как дохлая муха. Оно давно ничего не значило. «Нормально» у Ильи было универсальной заглушкой. Им можно было закрыть боль, усталость, злость, одиночество, тошноту, страх, желание лечь на пол и не участвовать в этом конкурсе функциональных людей. «Нормально» было не состоянием, а дверцей шкафа, за которую он годами запикивал всё, что не помещалось в образ взрослого адекватного мужчины.

На кухне он включил чайник. Чайник зашумел, будто тоже был недоволен своим местом в жизни. На столе лежали вчерашние крошки, квитанция, ключи, одна таблетка магния без

упаковки и блокнот, купленный прошлой весной. Первый лист всё ещё был чистым. Очень дорогой чистый лист. Илья покупал такие вещи в моменты, когда хотел начать жить. Блокноты, ручки, приложения, курсы, удобные лампы, подписки, новые чашки. У него было всё для начала, кроме способности начать. Если бы жизнь можно было прожить через подготовку к жизни, Илья был бы почти бессмертным.

Он налил чай, открыл сообщение Дениса и долго смотрел на фразу «ты же выручишь». Денис всегда писал так, будто Илья уже согласился, а сообщение было просто формальностью, вежливым хлопком по плечу перед тем, как надеть на него ещё один мешок. «Немного поправить» у Дениса означало: разобрать чужую кашу, заново собрать смысл, сделать вид, что это командная работа, и не умереть от желания выйти в окно. Илья знал это. Тело тоже знало. В животе сразу стало плотнее, как будто туда положили мокрое полотенце.

Он набрал: «Денис, сегодня не смогу». Посмотрел. Фраза стояла на экране голая, нагая, опасная. От неё пахло скандалом, увольнением, обидой, разочарованием, тем ужасным воздухом, который возникает, когда хороший человек вдруг перестаёт быть удобной мебелью. Илья представил, как Денис читает это, криво усмехается, потом в общем чате пишет что-нибудь почти невинное: «Коллеги, ну раз Илья сегодня не может, попробуем сами». Потом все поймут, что Илья подвёл. Потом проект уйдёт мимо него. Потом денег станет меньше. Потом Марина скажет: «Ты опять всё усложняешь». Потом мать: «Я же говорила, надо держаться за нормальную работу». Потом он останется один, в квартире с треснувшей кружкой, выключенным интернетом и блокнотом, где так и не появилась первая страница. За восемь секунд мозг провёл его от одного отказа до социального захоронения с оркестром и мокрыми венками.

Он стёр фразу и написал: «Да, конечно. Посмотрю сегодня». Отправил быстро, пока рука не успела стать честнее головы. Почти сразу пришёл ответ: «Спасибо, дружище. Я знал, что на тебя можно рассчитывать». Илья ненавидел эту фразу. Особенно слово «рассчитывать». В нём было что-то бухгалтерское. Как будто его не любили, не ценили, не видели, а просто ставили в нужную ячейку таблицы: Илья — ресурс, доступен, не конфликтует, умеет вывозить.

Чай остыл быстрее, чем он успел его выпить. Мать позвонила снова, когда он натягивал джинсы. Илья посмотрел на экран и испытал обычную смесь нежности, вины и раздражения. Мать звонила так, будто каждый звонок был маленьким экзаменом на сыновнюю пригодность. Не взять трубку — значит, она начнёт волноваться. Взять — значит, волноваться начнёт он.

— Мам, привет.

— Ты проснулся? — спросила она таким тоном, будто он не проснулся, а был найден под завалами.

— Проснулся.

— Я тебе звонила.

— Видел. Я спал.

— В семь утра уже можно и встать. Ты поздно лёг?

— Мам, всё нормально.

Он сам услышал, как быстро достал это слово. Как ключ от подъезда. Как бумажный стаканчик. Как презерватив для разговора, чтобы не заразиться настоящим контактом.

— У тебя голос какой-то, — сказала мать. — Ты не заболел? Сейчас все болеют. У Нины сын переболел, три недели кашлял. Ты витамины пьёшь? Я тебе говорила, надо витамин Д. И давление померяй. У твоего отца тоже сначала всё было нормально, а потом...

— Мам.

— Что мам? Я просто говорю. Ты всё время раздражаешься, когда я забочусь.

Илья закрыл глаза. Внутри поднялась злая маленькая волна. Не на мать даже. На то, что он опять стоял в ванной с одной штаниной до конца не натянутой и оправдывался за собственный голос.

— Я не раздражаюсь. Всё нормально.

— Вот опять. Если нормально, чего таким тоном?

Он хотел сказать: потому что ты за тридцать секунд превратила моё утро в медицинскую комиссию. Хотел сказать: мне не нужен витамин Д, мне нужно, чтобы кто-нибудь однажды спросил, как я, и выдержал ответ дольше двух секунд. Хотел сказать: я устал быть твоим проектом по предотвращению катастрофы. Но он посмотрел на своё отражение в зеркале, на незастёгнутые джинсы, на зубную пасту у раковины и сказал:

— Я потом наберу, ладно? Опаздываю.

— Конечно, конечно. Потом так потом. Я же не мешаю. Просто мать позвонила.

Вот это «просто мать» было не фразой, а маленькой гранатой. Без осколков, но с дымом. Илья пообещал позвонить вечером, хотя знал, что вечером ему не захочется. Мать сказала: «Не забудь поесть». Он сказал: «Ага». Она сказала: «И не нервничай». Он чуть не рассмеялся. Это было примерно как сказать утопающему: «И не мокни».

На улице дождь стал мельче и противнее. Не капли, а влажная пыль. Город выглядел так, будто его всю ночь стирали в машинке на неправильном режиме. Люди шли к метро с одинаковыми лицами: каждый нёс в себе маленький частный конец света, но сверху была куртка, шарф и способность прикладывать карту к турникету. Илья купил кофе в киоске, хотя дома пил чай. Кофе был плохой, кислый, в бумажном стакане с нарисованной улыбкой. Улыбка на стакане бесила. Сейчас даже картон умел изображать настроение лучше него.

У метро мальчик лет шести стоял под козырьком и рисовал пальцем на запотевшем стекле витрины странного зверя. Зверь был похож на собаку, птицу и налоговую декларацию одновременно. Рядом женщина, вероятно мать, говорила кому-то в телефон:

— Не, он опять ерундой занимается. Сейчас в сад опоздаем.

Мальчик быстро стёр зверя рукавом. Так быстро, будто его поймали за чем-то неприличным. Илья почему-то остановился. У него внутри что-то дёрнулось, маленькое и старое. Не воспоминание даже, а мышца. Он смотрел на чистое мутное стекло, где только что был уродливый прекрасный зверь, и хотел сказать мальчику: не стирай. Пусть живёт. Мало ли кто из нас ерунда. Но женщина уже потянула ребёнка за руку, мальчик пошёл, не сопротивляясь, и только обернулся на витрину так, будто оставил там кого-то маленького.

Илья постоял ещё секунду, почувствовал себя идиотом и пошёл в метро.

День дальше катился по привычной колее, как тележка в супермаркете с кривым колесом. Работа распахнулась перед ним кучей писем, чужих правок, вежливых просьб и невежливых сроков. Денис влетел в чат ближе к полудню: «Илюх, там всё несложно, я тебе накидал комментарии». Комментарии было тридцать семь. Некоторые противоречили друг другу. Один звучал так: «Сделать более человечно, но без эмоций». Илья перечитал его три раза и решил, что это, возможно, девиз всей его жизни.

Марина позвонила в обед. Он смотрел на экран, пока телефон вибрировал на столе, как пойманное насекомое. Ответить не успел или не захотел — между этими двумя вещами у него давно была прекрасная, удобная, грязная серая зона. Потом пришло сообщение: «Илья, нам правда надо поговорить. Не исчезай хотя бы сегодня». Он сразу начал печатать: «Я не исчезаю». Стер. Потому что исчезал. Потом: «Завал на работе, вечером напишу». Стер. Потому что это была правда, использованная как ложь. Потом написал: «Давай вечером». Отправил. Через минуту она ответила: «Ты каждый раз так пишешь». Илья положил телефон экраном вниз, будто это могло остановить реальность.

Кирилл он увидел случайно. На самом деле не Кирилл, а человека в похожей куртке у перехода. Сердце неприятно прыгнуло вниз. Мужчина обернулся — не он. Илья выдохнул с облегчением и сразу почувствовал гадливость к этому облегчению. Старый друг стал для него чем-то вроде налоговой проверки: вроде ничего преступного, но лучше бы не сегодня. Когда-то они могли сидеть на кухне до четырёх утра и обсуждать, почему все вокруг живут неправильно, а они вот-вот начнут. Кирилл смеялся громко, некрасиво, откидывая голову, и

всегда покупал самые дешёвые мандарины, потому что «дорогие слишком уверены в себе». Потом жизнь стала взрослой. Илья отвечал реже. Потом совсем редко. Потом написал длинный мысленный ответ, такой хороший, что реальный уже не имел шансов. Стыд у него был аккуратным, хозяйственным: если что-то испортил, он не пытался чинить, а накрывал сверху новой тряпкой.

К вечеру презентация Дениса пожрала всё, что оставалось от дня. Илья сидел перед экраном, менял местами слова, двигал блоки, правил чужую уверенность, подгонял смысл под красивую картинку. В девять сорок Денис написал: «Ты гений. Я бы без тебя утонул». Илья посмотрел на эту фразу и не почувствовал ничего, кроме усталости и обиды. Утонул бы. Ну и утонул бы, Денис. Хоть кто-нибудь, кроме меня, мог бы сегодня попробовать воду.

Он не написал этого. Он поставил улыбающийся значок. Не просто хороший человек, а хороший человек с сервисным обслуживанием.

Марина ждала его в маленьком кафе у дома. Он всё-таки дошёл, хотя хотел отменить. Она сидела у окна, в сером свитере, волосы собраны, лицо спокойное — опасно спокойное. У женщин бывает такой вид, когда они уже накричались внутри и теперь просто ждут, как мужчина сам принесёт себя к месту казни. На столе перед ней стоял чай. Вторую чашку она не заказала.

— Привет, — сказал Илья.

— Привет.

Он сел. Официант подошёл слишком быстро, как свидетель. Илья заказал чёрный чай, хотя хотел кофе, потому что Марина когда-то сказала, что вечером ему лучше не пить кофе, он потом плохо спит. Это было три года назад. Она уже давно не следила за его сном, а он всё ещё исполнял старую заботу, как дурацкий ритуал вымершей религии.

— Я устала, Илья, — сказала она.

Он кивнул. Это было безопасное движение. Кивать можно почти на всё.

— Я понимаю.

— Нет, — Марина посмотрела на него. — Ты не понимаешь. Ты очень хорошо изображаешь понимание. У тебя лицо становится такое... приличное. Будто ты на родительском собрании собственной жизни.

Он усмехнулся, но плохо. Усмешка отвалилась на полпути.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Вот в этом и проблема. Ты всё время пытаешься угадать, что надо сказать. А я уже не хочу жить с человеком, который угадывает правильные реплики. Я не экзаменатор, Илья.

Он почувствовал, как внутри включается знакомая защита: обидеться, устать, стать благородным, сказать «я тебя услышал», отпустить её красиво, а потом три месяца ненавидеть за то, что она не оценила его великодушие. Всё это было уже готово, лежало на внутренней полке, выглаженное, как белая рубашка для похорон.

— Я просто не хочу ругаться, — сказал он.

— А я не хочу ругаться с пустым местом.

Фраза попала точно. Не громко. Без крови. Но туда, где у него давно была дыра, прикрытая словом «нормально». Он посмотрел в окно. На улице отражались фары, мокрый асфальт, люди с пакетами, жизнь, которая спокойно шла мимо их столика и не собиралась делать паузу ради его внутренней драматургии.

— Я стараюсь, — сказал он тихо.

Марина закрыла глаза. Не от боли даже. От усталости слышать эту фразу.

— Ты стараешься быть хорошим. Это не то же самое, что быть рядом.

Он хотел возразить. Хотел перечислить: как встречал её ночью, как молчал, когда она была резкой, как уступал, как помогал, как не давил, как терпел. В голове даже открылся список. Длинный, подробный, с датами и невидимыми чеками. И от этого стало противно. Потому

что список действительно был. Он носил его в себе, как бухгалтерию любви. Вот тут я промолчал — плюс один. Тут поддержал — плюс два. Тут не сказал, что мне больно, — плюс десять, премия за выдержку. И где, спрашивается, оплата? Где нежность, где благодарность, где гарантия, что меня не бросят?

Он ничего этого не сказал. Вместо этого произнёс:

— Я не знаю, как по-другому.

Марина посмотрела на него уже мягче. И это было хуже. Злость хотя бы держит человека на расстоянии. Мягкость подпускает к правде.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Но я не могу больше быть местом, где ты прячешься от себя.

Они молчали. Принесли чай. Илья держал чашку двумя руками, как маленький костёр. Ему хотелось, чтобы она сказала: ладно, давай попробуем, я вижу, тебе тяжело. Хотелось, чтобы кто-нибудь наконец наградил его за то, что он так долго не шумел. Но Марина допила свой чай, надела пальто и сказала:

— Я поеду. Не пиши мне сегодня красивое сообщение. Пожалуйста. Если захочешь что-то сказать — скажи потом. Не красиво. Честно.

Она ушла. Очень спокойно. Не хлопнула дверью, не обернулась, не дала ему драматический кадр, в котором можно было бы почувствовать себя героем печального фильма. Просто ушла под дождь, раскрыла зонт и растворилась среди людей, у которых были свои четверги, свои трещины, свои неоплаченные счета за нежность.

Дома Илья сел за стол и открыл ноутбук. На экране всё ещё была презентация Дениса. Красивый слайд с фразой: «Будущее начинается сегодня». Илья рассмеялся. Смех вышел короткий и мерзкий. Будущее, конечно, начиналось сегодня. Только не у него. У него сегодня начиналось вчера, позавчера и все предыдущие дни, в которых он просыпался, отвечал, соглашался, сглаживал, улыбался, переносил себя на потом.

Он открыл переписку с Кириллом. Палец завис над полем ввода. «Привет. Давно не общались». Ужасно. Как объявление о продаже шкафа. «Кир, я знаю, что пропал...» Уже лучше, но дальше начиналась трясина объяснений. Он набрал: «Ты живой вообще?» — ту же фразу, которую Кирилл когда-то написал ему. Посмотрел и стёр. Это было бы слишком красиво. Марина же просила не красиво. Он отложил телефон. Потом, решил он. Не сегодня. Сегодня уже и так перебор.

Перед сном он всё-таки допил холодный чай из треснувшей кружки. Интернет оплатил. Мать не перезвонил. Денису отправил финальную версию. Марине не написал. Кириллу не написал. Себе тоже.

Он лёг в кровать в 00:43. В груди было пусто и шумно, как на вокзале после последней электрички. Он закрыл глаза и вдруг подумал, что день прошёл без единого большого преступления. Он никого не ударил, не предал открыто, не украл, не разрушил дом, не бросил ребёнка на морозе. Он просто снова прожил день так, будто его самого можно не звать. Так незаметно человек и исчезает, наверное. Не в один плохой вечер, не в катастрофе, не под сирену скорой. А в маленьких вежливых уступках. В словах «да, конечно». В сообщениях «вечером отвечу». В «всё нормально». В привычке быть хорошим там, где надо было быть живым.

С этой мыслью он провалился в сон.

В семь двенадцать утра телефон снова лежал на полу экраном вверх и светил ему прямо в лицо.

«Оплатить интернет».

Илья открыл глаза.

За окном висел тот же дождь. На подоконнике стояла та же кружка с трещиной. В комнате пахло тем же вчерашним чаем и мокрой пылью. Телефон дрогнул в руке.

Денис написал в 6:48: «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?»

Мать звонила в 6:59.

Марина прислала голосовое на сорок две секунды.

Илья сел в кровати очень медленно. Так садятся люди, которые ещё не решили, умерли они или просто наконец заметили, как выглядит их жизнь.

На экране было четверг.

Снова четверг.

Глава 2. Всё нормально

Илья сидел на кровати и смотрел на телефон так, будто это была не техника, адохлая птица, залетевшая ночью в квартиру и умершая у него на полу. Экран светился тихо, нагло, спокойно. «Оплатить интернет». Ниже — четверг. Та же дата. Семь двенадцать. За окном висел тот же дождь, та же серая тряпка между домами и небом, тот же мутный свет, от которого лица в зеркале становятся похожими на фотографии людей, которых ищут родственники. На подоконнике стояла та же кружка с трещиной. Илья помнил, что вчера вечером допил из неё холодный чай. Помнил, как поставил в раковину. Помнил даже отвратительный коричневый след на дне, похожий на засохшее озеро в плохом учебнике географии. Теперь кружка снова стояла на подоконнике, чистая снаружи, пустая внутри, с трещиной у ручки, ровно там, где она стояла вчера утром.

Он осторожно протянул руку и взял телефон, словно тот мог укусить. Денис написал в 6:48. Слово в слово. «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?» Мать звонила в 6:59. Два раза. «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». У Марины голосовое на сорок две секунды. В переписке с Кириллом — старый гвоздь: «Ты живой вообще?» Всё стояло на своих местах. Мир был аккуратен, как бухгалтер, которому плевать на твою душевную организацию.

Илья нажал на календарь. Четверг. Нажал ещё раз, будто от повторного нажатия реальность могла смутиться и признаться в ошибке. Четверг. Он открыл новости. Там была та же мерзкая подборка: где-то кого-то назначили, где-то кто-то опроверг слухи, где-то специалисты объяснили, почему всем опять надо потерпеть. Вчера он читал заголовок про депутата, который «призвал не драматизировать рост цен». Этот заголовок был на месте. Даже фотография депутата была та же: лицо человека, который никогда не покупал помидоры на последние деньги, но готов научить тебя благодарности.

— Так, — сказал Илья.

Голос прозвучал чужим. Хриплым. Неуверенным. Как будто в комнате был ещё кто-то, и этот кто-то хотел, чтобы Илья не паниковал, потому что паника портит мебель.

Он встал. Ноги коснулись пола. Доска под правой пяткой тихо скрипнула. Вчера скрипнула так же. Не просто похоже — так же. Сухой короткий звук, будто пол сказал: «А вот и наш идиот».

Илья подошёл к окну. На стекле ползли капли. Одна большая капля у левого края рамы медленно стекала вниз, цепляясь за грязный след от старой наклейки. Он помнил эту каплю. Это было уже неприлично — помнить каплю. В нормальной жизни человек не должен помнить капли. В нормальной жизни у него есть дела, налоги, зубной налёт, стареющая мать, бывшая женщина, презентация Дениса и список продуктов, в котором он каждый раз забывает купить туалетную бумагу. Но Илья помнил каплю. Она вчера спустилась до середины стекла, потом распалась на две. Сейчас она была наверху и собиралась повторить свой маленький водяной позор.

Он пошёл в ванную. Зеркало опять выдало лицо, которое ему не нравилось. Волосы торчали так же. На щеке была складка от подушки. На подбородке — тёмная щетина, которую вчера он собирался побрить, но не побрил, потому что день съел его вместе с кожей. Он

открыл кран, умылся холодной водой, посмотрел на себя и не сказал «нормально». Слово уже стояло во рту наготове, как дежурный охранник в торговом центре, но Илья его не выпустил.

От этого стало хуже. Оказалось, тишина под словом «нормально» не приятная. Там не покой. Там склад забытых коробок, дохлая лампочка и запах сырого картона.

На кухне он включил чайник. Чайник зашумел. Он посмотрел на стол. Квитанция. Ключи. Таблетка магния. Блокнот с чистым первым листом. Всё на местах. Даже крошки лежали с какой-то издевательской точностью. Илья вдруг подумал, что если это сон, то у сна слишком хорошая память на мусор.

Он взял кружку с подоконника и специально поставил её в раковину. Громко. Почти с вызовом. Потом достал другую — синюю, с облезлой ручкой. Налил чай в неё. Дождался, пока пар ударит в лицо. Посмотрел на телефон.

Денис.

Илья открыл сообщение. Теперь у него было преимущество. Маленькое, мерзкое, но преимущество. Он уже знал, чем всё закончится. Знал тридцать семь комментариев. Знал «сделать более человечно, но без эмоций». Знал, что Денис вечером напишет «Ты гений. Я бы без тебя утонул». Знал, что от этого не станет тепло. Знал, что он будет сидеть до девяти сорока, ненавидеть себя, Дениса, презентацию и всю цивилизацию, которая научилась красиво называть эксплуатацию «выручкой».

Он набрал: «Не могу сегодня». И остановился. Теперь фраза выглядела ещё страшнее, потому что у него был вчерашний опыт. Он знал, что старый ответ отправляется легко. Как будто внутри проложена рельса: «да, конечно» — и вагончик сам катится в яму. А вот «не могу» стояло поперёк горла. Оно не было грубым. Не было хамским. Не било никого по лицу. Просто отказывалось быть мебелью. И именно поэтому казалось преступлением.

Он представил Дениса. Денис сидит в своём светлом кабинете, пьёт кофе из стакана без улыбки, потому что у Дениса даже одноразовые стаканы выглядели успешными. Читает «не могу сегодня». Поднимает бровь. Пишет: «Ок, понял». Это страшнее, чем мат. В «ок, понял» помещается вся история человеческого изгнания из племени. В этой фразе нет крика, зато есть ледяная полка, на которую тебя поставили и забыли.

Илья стёр «не могу сегодня». Набрал: «Да, конечно. Посмотрю сегодня». Не отправил. Смотрел на фразу. Она была родная, как старый синяк. Почти уютная. Он ненавидел её и одновременно хотел в неё спрятаться. Хороший человек вообще часто путает безопасность с клеткой: если прутья давно отполированы его руками, они кажутся домашними.

Он бросил телефон на стол, не ответив. Это было не мужество. Скорее отсрочка казни. Но тело почему-то отреагировало, как на побег: сердце стукнуло резче, ладони стали влажными, живот сжался. Илья сделал глоток чая и обжёг язык.

— Прекрасно, — сказал он. — Даже чай против.

Мать позвонила ровно тогда, когда он натягивал джинсы. Конечно. Вчера — когда он натягивал джинсы. Сегодня — когда он натягивал джинсы. Реальность, видимо, считала, что его нижнее бельё — отличная декорация для семейной драмы.

Он посмотрел на экран и не взял трубку. Телефон замолчал. Через три секунды зазвонил снова. Он снова не взял. Потом пришло сообщение: «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». Илья прочитал его и почувствовал странную злость. Не на мать даже. На то, что он заранее знает каждую интонацию. «Ты поздно лёг?» «Витамины пьёшь?» «У твоего отца тоже сначала всё было нормально...» Он уже прожил этот разговор. Он был как плохая пьеса в провинциальном театре, где все актёры устали, но деньги за билеты не возвращают.

Он написал: «Проснулся. Позвоню позже». Не отправил. Стер. Написал: «Мам, я сейчас не могу говорить». Посмотрел. Вроде честно. Вроде не хамство. Но внутри поднялась та же липкая вина. Маленькая, старая, домашняя. Она пахла супом, чистым бельём и фразой «я же мать». Илья почти физически почувствовал, как его пальцы ищут мягкий вариант.

В итоге он отправил: «Мам, всё нормально, потом наберу».

Он даже не удивился. Просто посмотрел на экран с усталостью человека, который застал себя на месте преступления и понял, что преступление у него по расписанию.

На улице дождь был тем же, только теперь Илья смотрел на него внимательнее. Всё стало подозрительным. Лужа у подъезда. Сосед с пакетом мусора, который вчера чуть не уронил связку ключей. Женщина в зелёной куртке, ругающаяся по телефону у аптеки. Курьер на велосипеде, проехавший слишком близко к машине и выматерившийся в воротник. Мир повторялся не театрально, не с громкой музыкой и не с красивым эффектом. Он повторялся буднично. А это было гораздо страшнее. Если бы стены плавилась, часы шли назад, из раковины полетели птицы — можно было бы списать всё на бред. Но когда вселенная аккуратно воспроизводит лужу у подъезда, начинаешь подозревать, что у неё к тебе личные претензии.

У метро мальчик снова стоял под козырьком и рисовал пальцем на запотевшем стекле витрины. Илья остановился до того, как понял, что остановился. Зверь появлялся на стекле из мутного пара: кривые лапы, длинная шея, хвост с чем-то вроде перьев. Собака, птица и налоговая декларация. Вчера Илья придумал это сравнение, и сегодня оно вернулось, как чек из магазина, где он ничего не хотел покупать.

Женщина рядом говорила в телефон:

— Не, он опять ерундой занимается. Сейчас в сад опоздаем.

Мальчик поднял рукав, чтобы стереть зверя. Илья сделал шаг.

— Подождите, — сказал он.

Женщина обернулась. Мальчик тоже. У мальчика были мокрые ресницы и серьёзное лицо человека, который пока ещё не знает, что взрослые часто называют ерундой всё, что не умеют контролировать.

— Что? — спросила женщина.

Илья сам не знал, что. У него не было готовой речи. Только странная, глупая, почти болезненная необходимость не дать зверю умереть второй раз.

— Он нормально рисует, — сказал Илья.

Женщина посмотрела на него так, как смотрят на мужчин, которые в восемь утра вмешиваются в чужое воспитание возле метро. Не с благодарностью.

— Спасибо, мы разберёмся.

— Да я не... — Илья замялся. — Просто зверь хороший.

Мальчик быстро посмотрел на стекло. В его глазах мелькнуло что-то маленькое. Не счастье. Скорее разрешение на одну секунду не стыдиться. Женщина взяла его за руку.

— Пойдём, художник.

Слово «художник» прозвучало у неё с раздражением, но уже не так убийственно. Мальчик не стёр зверя. Они ушли, а зверь остался на стекле, постепенно расплываясь от дождливого воздуха. Илья стоял перед ним, взрослый мужчина с неотправленным отказом Денису, матерью на телефоне, бывшей женщиной вечером и жизнью, которая по какой-то причине решила устроить ему повторный показ. Он хотел почувствовать что-то большое. Мол, вот, я спас детскую душу, дайте мне музыку и свет. Но почувствовал только неловкость. И ещё чуть-чуть тепла, очень маленького, как монета в дырявом кармане.

В метро он сел у двери и начал искать симптомы в интернете. Не специально. Палец сам открыл поисковик. «Ощущение повторения дня что это». Результаты были прекрасны. Дежавю, стресс, нарушение сна, эпилепсия, тревожное расстройство, редкие неврологические состояния, форум, где человек с ником «Сергей_1984» писал: «У меня такое было после энергетиков». Илья не пил энергетиков. Он пил чай из треснувшей кружки, что, возможно, было ещё опаснее для психики.

Он закрыл телефон. Потом снова открыл. Денису так и не ответил. В чате появилось новое: «Илюх, ты видел?» Через минуту: «Там правда надо сегодня». Ещё через две: «Ау?»

Илья набрал: «Сегодня не смогу, прости». Слово «прости» прицепилось само. Как собака из приюта. Он посмотрел на него и разозлился. За что прости? За то, что у меня есть день? За то, что я не хочу снова ложиться под твою презентацию, как под автобус? Он стёр «прости». Осталось: «Сегодня не смогу». Сердце снова стукнуло так, будто кто-то внутри уронил кастрюлю.

Он отправил.

Поезд как раз въехал в тоннель. Связь пропала. Илья сидел, смотрел на своё отправленное сообщение, которое уже нельзя было вернуть, и чувствовал не свободу, а ужас. Вот это его удивило больше всего. Он думал, отказ должен приносить лёгкость. В книжках, наверное, так и бывает: человек говорит «нет» и сразу расправляет плечи, встаёт ветер, где-то играет саксофон, душа получает премию за автономию. В реальности его слегка тошнило, под мышками стало влажно, а мозг немедленно начал составлять список последствий. Денис обидится. Денис найдёт другого. Денис поймёт, что Илья не так уж незаменим. Денис перестанет давать проекты. Денег станет меньше. Марина окончательно решит, что он не справляется. Мать скажет: «Ну я же говорила». Кирилл, если вдруг появится, увидит в нём всё того же идиота, только теперь ещё и без работы.

Поезд выехал из тоннеля. Пришёл ответ Дениса.

«Ты серьёзно?»

Илья посмотрел на эти два слова, и весь его организм захотел обратно в старую жизнь. Там было плохо, зато знакомо. Там он мог ненавидеть себя вечером, но утром хотя бы знал, как работает механизм. Сейчас механизм скрипнул.

Он не ответил. Сунул телефон в карман. Дышал. Смотрел на рекламу стоматологии напротив. На плакате женщина с идеальными зубами обещала «улыбку без страха». Илья подумал, что общество, конечно, продвинулось. Зубы без страха предлагает. Жизнь без страха — пока нет.

На работе день пошёл не так. Уже это было доказательством. Денис появился возле его стола в 11:20, хотя вчера просто писал в чат. Значит, день можно было двигать. Значит, он не был видеозаписью. Значит, Илья не просто зритель собственного четверга. Это должно было обнадёжить. Но Денис стоял над ним с лицом человека, которому отказали в праве пользоваться розеткой.

— Ты чего? — спросил Денис.

— В смысле?

— В прямом. Я написал, что надо сегодня. Ты мне: не смогу. Что случилось?

Илья посмотрел на него снизу вверх. Денис был аккуратно выбрит, пах хорошим парфюмом и уверенностью человека, у которого чужая усталость всегда была «рабочим моментом».

— Ничего. Просто не смогу.

— Ты заболел?

— Нет.

— У тебя что-то срочное?

Илья хотел сказать: да, Денис, у меня срочно повторяется четверг, я пытаюсь выяснить, является ли моя жизнь наказанием, экспериментом или криво написанным сценарием, поэтому твоя презентация немного подождёт. Вместо этого сказал:

— У меня свои дела.

Денис моргнул. Именно это его и задело. Не отказ. Не болезнь. Не уважительная причина. А дикая, почти неприличная формулировка: свои дела. Как будто у Ильи могла быть жизнь, не заверенная Денисом.

— Слушай, — Денис понизил голос, что у него обычно означало переход к дружескому удушению. — Я же не просто так прошу. Команда рассчитывает.

Опять рассчитывает. Это слово за день начало походить на наручники.

— Понимаю.

— Если понимаешь, помоги.

Раньше здесь Илья бы сдался. Собственно, он почувствовал, как сдаться было бы приятно. Моментальное облегчение: Денис доволен, конфликт закрыт, тревога получает печенье. Вечером — ненависть к себе, зато сейчас тишина. Хороший человек — это часто наркоман чужого спокойствия. Дай другому не злиться, и ломка утихнет на пару часов.

— Нет, — сказал Илья.

Слово вышло тихим. Не героическим. Но вышло.

Денис посмотрел на него внимательнее.

— Ладно. Понял.

Вот оно. «Понял». То самое. Ледяная полка. Илья почти физически почувствовал, как его ставят туда между папками «ненадёжный» и «начал выёживаться». Денис ушёл. Илья сидел за столом, смотрел в монитор и не чувствовал победы. Только пустоту, нервный жар в лице и странное желание догнать Дениса, схватить за рукав и сказать: «Я хороший, просто сегодня у меня сбой, не выкидывайте меня из людей».

Он не догнал.

К обеду стало ясно, что отказ не спас день. Это было неприятное открытие. Илья почему-то тайно ждал, что после одного «нет» реальность скажет: молодец, проходи, вот тебе новый уровень, свежий воздух, взрослая жизнь без боли. Но реальность ничего не сказала. Она подкинула Маринино сообщение: «Давай вечером». Потом мать: «Ты не забыл позвонить?» Потом в животе началась привычная тяжесть. Потом он открыл блокнот и уставился на первый чистый лист, как на белую стену в психиатрической больнице.

Он попробовал писать. Просто так. Чтобы проверить, может ли он сегодня сделать что-нибудь не по рельсам. На первой строке появилось: «Мальчик не стёр зверя». Он посмотрел на фразу. Смешная. Глупая. Слишком простая. Но живая. Он хотел продолжить, но тут в голове включился внутренний комитет. Зачем? Для чего? Это что, рассказ? Кому это надо? Ты писатель теперь? Может, сначала нормально сформулируй идею. Может, почитай, как это делают другие. Может, купи курс. Может, завтра. Он закрыл блокнот. Потом открыл. Написал вторую строку: «И зверь остался на стекле, как доказательство, что не всё странное надо сразу стирать». Стало стыдно. Очень. Стыдно за пафос, за зверя, за себя, за то, что взрослый мужик пишет в обед какую-то сентиментальную ерунду вместо того, чтобы быть полезным элементом экономики.

Он вырвал лист.

Скомкал.

Секунду подержал в руке и разжал пальцы. Бумага лежала на ладони, белая, измятая, похожая на маленький мозг. Илья вдруг понял, что всю жизнь так и обращался с тем, что в нём пыталось быть живым. Сначала писал, потом пугался, потом комкал, потом называл это зрелостью.

Он не выбросил лист. Положил обратно в блокнот. Криво, как улику.

Вечером он пришёл в то же кафе. Теперь знал, где будет сидеть Марина. У окна. В сером свитере. Чай без второй чашки. Он даже пришёл на десять минут раньше, чтобы не повторять вчерашний рисунок целиком. Сел напротив пустого места и почувствовал себя человеком, который пришёл на свидание с приговором.

Марина вошла в 19:08. Посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты рано.

— Да.

— Это пугает.

— Меня тоже.

Она села. Сняла шарф. Официант подошёл, как свидетель, только теперь Илья сразу заказал кофе. Вечером. Назло старой заботе. Марина заметила.

— Ты же после кофе плохо спишь.

— Я и без него плохо сплю.

Она чуть улыбнулась. Не радостно. Но живая трещина появилась в её лице, и Илья стало легче на полсекунды. Потом он вспомнил, что легче — это не цель. Точнее, всю жизнь он делал целью именно легче. Лишь бы разговор закончился без крика. Лишь бы человек напротив не ушёл. Лишь бы внутри не трясло. Лишь бы ещё один день не пришлось быть настоящим под открытым небом.

— Я устала, Илья, — сказала Марина.

Вот она. Реплика. Вчерашняя. Он мог бы ответить иначе. Подготовиться. Сказать что-то умное, глубокое, честное на вид. Он даже весь день мысленно репетировал: «Я понимаю, что был эмоционально недоступен». Ужасная фраза. Как из брошюры, которую дают людям, чтобы они могли ранить друг друга профессиональнее. Ещё была: «Я часто выбирал безопасную роль вместо близости». Тоже мерзость. Слишком гладко. Слишком будто он уже написал пост о своём развитии и ждёт одобрительных комментариев.

— Я знаю, — сказал он.

Марина посмотрела на него.

— Что знаешь?

— Что ты устала.

— И?

— И я не хочу сейчас делать вид, что быстро всё понял.

Она молчала.

— Вчера... — начал он и осёкся.

Вчера не существовало. Или существовало только для него. Сказать «вчера» было всё равно что прийти в банк с купюрой из сна.

— В прошлый раз, — поправился он, сам не понимая, что имеет в виду, — я бы начал объяснять, что стараюсь. Что мне сложно. Что я не хотел. И всё это правда, наверное. Но какая-то бесполезная правда.

Марина смотрела внимательно. Это было хуже, чем когда она злилась. Внимание требует продолжения.

— Я правда часто не знаю, чего хочу, — сказал Илья. — Точнее, знаю. Но узнаю слишком поздно. Когда уже согласился на другое.

Она отвела взгляд к окну. Дождь ел стекло мелкими зубами.

— А со мной ты чего хочешь?

Вот тут все его внутренние службы эвакуации пришли в движение. Срочно найти правильный ответ. Не давить. Не выглядеть жалким. Не потерять. Не обидеть. Не обнажить слишком много. Не произнести того, за что потом будет стыдно. Голова стала похожа на вокзал, где объявляют сразу восемь поездов, и каждый в ад, но с разными остановками.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — сказал он наконец.

Марина закрыла глаза. Он быстро добавил:

— Но я понимаю, что это не значит, что ты должна.

Вот это было новым. Фраза вышла не блестящей, не киношной, но в ней хотя бы не было счёта. Не было: я стараюсь — заплати. Я страдаю — вернись. Я хороший — не бросай. Просто желание, положенное на стол без ножа.

Марина долго молчала.

— Я не знаю, могу ли, — сказала она.

Боль пришла сразу. Илья почувствовал, как старый механизм хочет превратить её честность в обвинение. Конечно. Конечно, ты не знаешь. А я тут, значит, раздеваю душу, пью кофе

после семи вечера, отказываю Денису, спасаю чужого зверя на стекле, а ты «не знаю». Прекрасно. Выставка мужского унижения открыта до конца месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.